

Stepanov A. O., lecturer of the Department of Philosophy and Economics, Danylo Halytsky Lviv National Medical University (Ukraine, Lviv), aostepanov@yahoo.com

Crisis as apolysemantic phenomenon

The subject of the study is there search of the crisis as a multifaceted concept. The modern approaches to the determining the essence of the crisis are analyzed. The variation of the interpretation of the phenomenon of crisis in the modern scientific discourse is revealed. It is suggested that the modern approach to understanding the crisis requires the understanding of it as a short-term turning point in the natural process of the development that can solve a challenging situation, tackle serious problems and become the starting point for a fundamentally new phase of theexistence and development of a system within the crisis occurred. It is established that the solution to the crisis situation is, foremost not in the destruction of the «old world», but in a self-change, self-improvement of a person, by filling the old forms of social activity with a new value content.

Keywords: a man, culture, crisis, turn, regression, asymmetry, disharmony.

* * *

02.41 – Социальная философия
УДК 316.33

Фарзалиев З. И.,
начальник управления по связям с
общественностью и популяризации науки,
Национальная Академия Наук Азербайджана
(Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.ru

Философия культуры войны и мира

Осуществлен сопоставительный философский анализ культуры войны и культуры мира. Отмечается, что культура войны и культура мира порождают два типа коммуникации: монолог и диалог. Так как, культуру войны следует рассматривать таким типом коммуникации, которая преследует реализацию исключительно собственных интересов, прибегая при этом к любым, в том числе насильственным методам. Так же, подчеркивается, что в противоположность культуре войны, культура мира пытается посредством диалога выявить и учесть интересы всех сторон, избегая методов насилия. Автор приходит к такому выводу, культуру войны можно считать монистическим типом коммуникации, а культуру мира – плюралистическим.

Ключевые слова: культура войны, культура мира, монолог, диалог, религия, этно-конфессиональные взаимоотношения.

(статья друкується мовою оригіналу)

Культура является наиболее сложным и многозначным концептом современной философии, в исследовании которой используются самые разнообразные подходы. В рамках представленной статьи, исходя из принятого за основу системообразующего начала, мы делим ее на культуру войны и культуру мира. Эти два типа культуры несоизмеримы как по длительности их гегемонии, так и по роли в процессах исторического развития человечества и соответствующих ему цивилизаций. Культура войны существовала всю историю человечества и в настоящее время продолжает если и не де-юре, то де-факто (если и не на словах, то на деле) оставаться главной линией культурных коммуникаций между различными по интересам субъектами. Достаточно вспомнить типологию С. Хантингтона, предложенную после крушения блокового противостояния двухполярного мира, чтобы убедиться в исключительной живучести культуры войны. Меняются субъекты противостояния исторического процесса, но остаются неизменными технологии, язык и культура войны. Теперь уже этно-конфессиональный компонент вводится С. Хантингтоном в качестве основного противоречия нашего времени, сталкивающего цивилизации в новой войне культур.

Как отмечает Л. Г. Ларкин: «Первые попытки изучить и оценить научные интерпретации войны, рассматривали ее как естественное средство обновления и преобразования мира. Такое ракурс анализа стал частью культурной традиции, в которой сформировалось понимание абсолютного взаимодействия и взаимодополнения культуры и войны как двух амбивалентных явлений, последовательно сменяющих друг друга, или существующих вместе, в зависимости от характера военных действий (тотальных, локальных и др.)» [7].

Культура мира, хотя и спорадически проявлялась в различные периоды исторического развития, только во второй половине XX-го века приобрела концептуальный характер и стала объектом пристального философского и гуманитарного анализа. При этом становление элементов культуры мира в сознании людей не является (обратим на этот факт внимание) результатом осознанного выбора, это скорее принудительная, вынужденная форма самозащиты и выживания в условиях постоянно прогрессирующего развития оружия массового уничтожения и критического обострения экологических проблем, как социального, так и глобального плана.

В этих условиях не приходится говорить о спонтанной, органической, поэтапной победе культуры мира над культурой войны. Напротив, мы видим, как рецидивы культуры войны все чаще в последнее время торжествуют победу над культурой мира, у которой появился новый могущественный враг – международный и локальный терроризм. Не удивительно, что число жертв войн XX века превышает потери во всех войнах с зарождения цивилизации до 1900 года.

Вместо формирования общечеловеческой культуры, важнейшим элементом которой должна стать культура мира, мы свидетели гегемонии культуры войны, ставшей формой массовой культуры, поскольку permanently растет число людей точнее, народов вовлекаемых в пространство военного мышления и действия. Сложившая ситуация диктует необходимость, как исследования структуры двух типов культуры, так и выявления действенных социальных технологий преодоления культуры войны. Кроме того, она требует анализа исторических типов поведения этно-конфессиональных групп в условиях войны и мира.

Прежде всего, отметим, что культура войны и культура мира порождают два типа коммуникации – монолог и диалог соответственно. Поэтому культуру войны следует рассматривать таким типом коммуникации, которая преследует реализацию исключительно собственных интересов, прибегая при этом к любым, в том числе насильственным методам.

В противоположность ей, культура мира пытается посредством диалога выявить и учесть интересы всех сторон, избегая методы насилия. В случае, когда число сторон диалога более двух, и они пытаются выстроить коммуникацию на основе культуры мира, мы имеем дело с новым типом взаимодействия – полилогом. Обратим внимание на тот важный факт, что культура войны может создавать лишь один тип коммуникации – монолог, в то время как культура мира – множество таких типов. Поэтому можно считать культуру войны монистическим типом коммуникации, а культуру мира – плюралистическим.

Мы можем отметить, что культура войны и культура мира хорошо коммутируют с бинарной оппозицией «свой – чужой», а также основываются на другой дуальной оппозиции «эгоизм – альтруизм». Выстраивается формулировка, согласно которой: культура войны монистична, она способна воспринимать лишь собственные ценности и интересы, ее репродуктивные формы имеют характер монолога, навязываемого методами давления и прямого насилия, она проводит четкую границу между «своим» и «чужим», в ней преобладает альтруизм по отношению ко всему «своему» и эгоизм – к «чужому» и «другому».

Плюрализм и диалогический характер культуры мира, напротив, – выстраивает многообразие путей ненасильственной коммуникации, характеризуемых взаимным альтруизмом и толерантностью. Для культуры мира характерны солидарность и сотрудничество, которые в единстве противоположных позиций создают компромиссные варианты разрешения противоречий. В этой связи мы можем предположить, что процессы, сопровождающие феномен культуры мира, являются по своей природе синергетическими, и в качестве таковых способны вырабатывать многообразные, различающиеся методологии преодоления кризисных ситуаций нетривиальными путями.

В политическом плане обсуждаемые нами типы культуры, как правило, соотносятся с демократией (культура мира) и автократией (культура войны), определяя политическую структуру государства и гражданские права общества.

Однако монизм культуры войны сочетается с ее сложной, многообразной структурой: «Военная культура, как и социальная культура, может рассматриваться во множественных позициях, что говорит о ее системности, сложности, многоплановости, этнической и ситуативной зависимости...

Война есть часть социокультурного исторического процесса, глубоко укорененного в каждой культуре и циклично повторяющегося в ней. Очевидно, она – необходимая составляющая социокультурной действительности, особое состояние ее, которое позволяет концентрированно проявить все лучшие и худшие человеческие и социальные свойства» [7].

В этой связи предстоит раскрыть системное многообразие культуры войны и определить ее роли в социокультурной действительности. Первым напрашивающимся выводом является то, что формы культуры войны исторически менялись, играя то позитивную (ускорение динамики социального процесса), то отрицательную (разрушение материальной и сдерживание духовной культуры) роль. Этот своеобразный баланс имел границы своего поддержания до тех пор, пока материальный потенциал культуры войны не приобрел характер непосредственной угрозы существованию человечества: «...силовые ресурсы обеспечения дальнейшего прогресса, и демонстрации превосходства, гегемонии, стремления уничтожить, подавить и эксплуатировать других, практически исчерпаны. Все, что происходит сегодня в мире, ... можно обозначить как наступление времени осознания гибельности ставки на силу...» [10, с. 175].

По сути дела, человечество не имеет пока технологий преодоления культуры войны, более того, некоторая

его часть, определяющая ход исторического развития, полагает, что эта культура – «необходимое, неизбежное зло», борьба с которым если и возможна, то, во всяком случае, не своевременна. Опираясь на исторические примеры, сторонники неизбежности культуры войны демонстрируют убедительные факты перманентного проигрыша культуры мира. Более того, они утверждают, что уничтожение культуры войны приведет к уничтожению человечества, поскольку все используемые типы экономики так или иначе являются «экономиками войны», так как большая часть производства работает на войну. Отсюда делается парадоксальный вывод о том, что экономика культуры мира приведет к застою и поэтапному одичанию человечества вплоть до его исчезновения как вида. Справедливости ради надо признать, что, действительно, до сих пор нет убедительных, а главное – действующих моделей экономического развития, которые демонстрировали бы свою эффективность и могли заменить «экономику войны».

Коль скоро культура войны – сложная философская категория, ее осмысление должно заключать в себе отношение к социальной и этической проблематике философского знания. Но такая постановка вопроса целесообразна при сопряжении этого осмысления с параллельным анализом еще более сложной категорией – культурой мира. И здесь открываются новые пути совместного анализа: на уровне социальных феноменов, на уровне психологических установок, на уровне исторических примеров, на уровне языковых стереотипов и понятий, на уровне футурологических прогнозов и т.д.

В задачи статьи не входит анализ всех этих направлений, однако некоторые из них по мере необходимости будут в дальнейшем привлечены. Так, очевидно, что нельзя игнорировать столь важную проблему как «язык войны и язык мира», являющуюся одним из первых проявлений этих двух культур.

Большинство из вполне достойных принципов культуры мира пока еще носит декларативный характер. Их прописанность в международных документах демонстрирует, что они – категории должного, но не сущего. С другой стороны, именно нормативность международных документов – свидетельство готовности человечества придать им существование, сделать нормами мышления и поведения людей.

Знакомство с этими и другими документами позволяет подтвердить вывод о том, что: «Главное препятствие на пути к миру, как правило, лежит не в культурных различиях, а определяется социальными и политическими условиями, которые заставляют каждую из культурных групп считать, что ее выживание возможно только лишь за счет другой» [8].

Сегодня, когда наивные утверждения о скором «отмирании» религий остались в прошлом, вновь актуализируется вопрос об этно–конфессиональном характере социального противостояния. Как пишет Ю. В. Яковец: «Религии стали одним из факторов усиления духовного единства локальных цивилизаций четвертого поколения, восстановления гармоничного единства чувственных и сверхчувственных элементов в социокультурной сфере. Религия восстановит и сохранит присущую ей нишу в социокультурном пространстве постиндустриального общества» [14, с. 332].

Подлинный ренессанс религиозного сознания включил в него огромные массы жителей планеты, большинство из которых достаточно поверхностно знакомы с морально-этическими и доктринальными основами исповедуемых ими религий. Поэтому новые «прозелиты» становятся легкой добычей для различного рода сектантских проповедников, выдающих свои «учения» за подлинную религию. Возрождение религии вновь привело к попыткам связать ее с политикой, точнее обогатить политическую мысль – религиозной. В самой по себе такой практике нет ничего плохого, пока политику сопрягают с общечеловеческими религиозными ценностями и нормами. Однако многие религиозные «новаторы» преследуют далеко не благие цели, пытаясь заработать вполне весомые преференции в условиях духовного кризиса, охватившего мир.

Л. М. Семашко ввел, на наш взгляд, важное разграничение понятий «традиционная культура мира» и «новая культура мира как гармония». Разъясняя основные различия, Л. М. Семашко пишет: «Традиционная культура мира, присущая индустриальному обществу, – это культура равновесия политических и военных сил, которое всегда неустойчиво и направлено не на исключение войн, а только на то, чтобы ограничить или отодвинуть их и удержать гонку вооружений» [13].

Новая культура мира связывается Л. М. Семашко с информационным обществом: «... это порядок социальной гармонии как устойчивого равновесия социальных групп и этносов, приоритет которого составляют дети, родители, особенно матери, несущие основное бремя забот о детях, а также педагоги, врачи и воспитатели: они составляют от 50 до 80% населения в разных странах. Эти группы несут основную энергию миролюбия, они являются социальной опорой новой культуры гармоничного мира. Только социальная гармония, создающая новый, гармоничный и устойчивый мир, способна предотвратить войны, террор и бедность. Информационное (глобальное) общество изменяет наши приоритеты и сосредотачивается на гармоничном мире» [13].

К сказанному, по нашему мнению, необходимо добавить еще один тип культуры мира, связанный с процессами глобализации. Известно, что наиболее дискутируемым в современных условиях вопросом является влияние глобализационных процессов на культуру. Процессы унификации культуры, подведение ее многообразия под единые (западные) стандарты вызывает естественное сопротивление народов, враждебно настроенных против попыток подорвать основы их традиционных ценностей и норм. Поэтому есть смысл ввести и третье понятие – культура мира эпохи глобализации.

Сосредоточим наше внимание на истории и современном состоянии концепций войны и мира в этно-конфессиональных группах (ограничиваясь, в силу понятных причин, христианскими и мусульманскими общинами).

Такое обращение демонстрирует удивительную схожесть представлений о войне и мире в достаточно далеких друг от друга культурах и цивилизациях, начиная с самых древних времен.

В античные времена война как междоусобное столкновение родственных групп отрицалась, однако героизировалась война с «чужими», которых всех без

исключения в Древней Греции называли варварами. Хорошо известны слова Гераклита: «война есть отец и мать всего; одним она определила быть богами, другим людьми; одних она сделала рабами, других свободными». И как-то очень редко вспоминают, что Геродот, напротив, говорил: «Никто не безумен настолько, чтобы предпочесть войну миру».

Аналогичной была ситуация в Римской империи, где под определение варваров подпадали все, кто не являлся гражданином этой империи. И в этом случае миротворческие цитаты Цицерона, Сенеки и других римских мыслителей редко использовались последующими поколениями.

Уже в древности размах военных действий и их губительные последствия привели к тому, что стали выработываться правила, регламентирующие и ограничивающие средства и методы их ведения. Длительное время эти нормы основывались на религиозных этических догмах, игравших исключительную роль в жизни обществ. Большинство дошедших до нас памятников духовной культуры содержат в себе подобные установления.

В целом, главенствовал принцип «свои – чужие», относящий гуманные нормы только к этнически и религиозно близким группам. Однако пространственное расширение военных действий, постоянные столкновения с чуждыми группами привели к тому, что эти принципы поэтапно стали применяться и в этих типах войны.

Становление ислама и широкомасштабные мусульманские завоевания привели к ожесточенным военным столкновениям с христианами, потребовавшими в свою очередь введение ограничительных мер. И если на первых порах столкновений крестоносцев и мусульман эти правила не соблюдались, то это было результатом восприятия мусульман как совершенно чуждых, враждебных сил, стремящихся уничтожить христианскую веру. Для крестоносцев почитание мусульманами Иисуса (Исы), признание ими священного статуса Ветхого и Нового Завета было подлинным откровением, однако это понимание пришло достаточно поздно.

Рассматривая ислам как лжерелигию, христианские адепты выискивали в ней примеры, подтверждающие их убеждения. Одним из первых в область их внимание попал термин «джихад», трактуемый исключительно как выражение агрессивности ислама ко всему чужому. Между тем, «...на протяжении всей истории существования ислама концепция «джихада» выполняла достаточно противоречивые функции, была в основе внутренней и внешней политики различных сил и движений, стремившихся использовать ее в первую очередь для мобилизации мусульман на достижение определенных целей (в том числе и духовно-культурных) и для оправдания тех или иных акций... Вообще, вопросы толкования в исламе, как и интерпретации концепции «джихада», более чем не простые, и по сей день остаются открытыми» [15, с. 4].

Свод мусульманских правил ведения войны был обстоятельно разработан: «Согласно шариату, во время войны мусульманская армия должна соблюдать следующее правило: запрещается убивать детей, женщин, стариков, уничтожать посевы и пастбища, в которых кроется общественное и личное благо» [9].

Специально выработанные понятия «Дар ал–Ислам» (обитель мира) и «Дар ал–Харб» («Обитель войны») разделяли расширяющийся мир ислама. При этом религиозные меньшинства, особенно приверженцы иудаизма и христианства, ставились исламом в положение защищаемых групп, однако на их деятельность накладывались некоторые ограничения [12, с. 12].

Столкновения мусульман с новыми для них народами и культурами, кроме вполне понятных отрицательных последствий, имели и свою положительную сторону, поскольку способствовали взаимному духовному обогащению. Современное состояние мусульманских общин напрямую связано с процессами глобализации, вызвавшими оборонительные доктрины, в том числе фундаменталистские. «Характерными особенностями идеологии деструктивного исламского сектантства являются: обращение к концепции джихада и признание его шестым и основным столпом веры; представление террористической деятельности как формы служения Аллаху и личного спасения (в религиозном понимании); обращение к принципу такфир (обвинение в неверии) в полемике с другими исламскими конфессиями. Это придает идеологии исламского сектантства не только антизападную направленность, но несет в себе антисистемную опасность для исламской цивилизации и ислама как культуросозидающей религии» [12, с. 11].

XVII–XVIII века – период усовершенствования правил ведения войны и смягчения нравов, однако продолжает действовать принцип «свой – чужой», по которому толерантность к противнику имеет избирательный характер. Таким образом, регламентация в области военных действий не являлась еще универсальной нормой, законодательно принимаемой государствами.

Такие всемирно–исторические процессы, как колониализм, капитализм и создание национальных государств – процессы, осуществляемые силой оружия, как против «чужих», так и против «своих».

Но это продолжалось до определенного времени, пока внутренняя и внешняя торговля не потребовали постоянного сохранения мира для становления национальных рынков, их переходу к международному, а затем и к мировому рынку.

Для гуманистов Возрождения и мыслителей эпохи Просвещения война представлялась величайшим злом, которое необходимо было устранить из жизни людей. Именно в это время появляется идея вечного мира, разрабатываемая такими философами, как Монтескье, Гердер и особенно, И. Кант, рассматривающими войны как основную угрозу для народов Европы.

И. Гердер в «Мир – естественное состояние людей» писал: «Итак, не война, а мир – вот естественное состояние человеческого рода, когда ничто не стесняет, не сдавливает его; ибо война – это состояние нужды, а не изначального наслаждения жизнью» [2, с. 213].

Наиболее последовательно эту проблему разработал И. Кант, многие идеи которого вошли впоследствии созданные международные документы, связанные с установлением мира между народами. Не случайно его труд называется «К вечному миру», хотя философ хорошо представлял себе все трудности, возникающие на этом пути. Предупреждая их, Кант ввел действенные принципы:

1. «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны»...3. «Постоянные армии (miles perpetuus) должны со временем полностью исчезнуть»...

5. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств».

6. «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из–за угла (percussores), отравителей (venefici), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (perduellio) в государстве неприятеля и т.д.» [3, с. 437]. Зная о неизбежности войн в будущем, Кант ввел так называемую «тайную статью» договора о мире: «Единственная статья подобного рода сводится к следующему: государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности общего мира» [3, с. 438].

Однако не все выдающиеся философы разделяли точку зрения Канта. Так, на противоположных позициях находился Г. Гегель, писавший в «О научных способах исследования естественного права»: «...для восстановления нравственного здоровья нет более сильного целебного средства, чем война, которая до корня потрясает положение вещей, не исключая и самой жизни, и обнаруживает мелочи жизни в их истинном свете» [1, с. 213–214].

Позицию Гегеля поддерживали многие философы, особенно Ф. Ницше, считавший, что прекращение войн приведет к духовой и физической деградации человечества.

Однако возрастание числа войн, совершенствование оружия, приводящее к увеличению числа жертв требовало не просто философских размышлений о войне и мире, а государственного, преимущественно международного регламентирования этой проблемы.

Начало было положено в XIX веке, когда появились первые международные договоры: Парижская декларация 1856 года, определяющая отношения воюющих и нейтральных держав в морской войне, Женевская конвенция 1864 года, регламентирующая статус больных и раненых воинов во время сухопутной войны, Санкт–Петербургская конвенция 1868 года, запрещающая употребление разрывных пуль [8].

За этот период было подписано еще несколько других деклараций, однако они часто нарушались, поскольку имели лишь рекомендательный характер.

В этом отношении наиболее разработанные и признаваемые государствами документами о войне стали материалы Гаагских конференций, представившие начальные нормы международного гуманитарного права, четыре Женевские конвенции 1949 года: «Данными актами были закреплены новые гуманитарные правила ведения боевых действий: закреплялся статус мирного населения, запрещалось уничтожение госпитальных судов на море, регулировался порядок взятия в плен содержания в плену, условия труда военнопленных, Женевскими конвенциями были установлены международные обозначения лагерей военнопленных и полевых госпиталей [6].

Двадцатый век занимает в истории человечества особое место не только в силу двух свершившихся мировых войн, но и огромного числа локальных и региональных войн, а также терроризма, приобретшего международный характер.

Сегодня основные стрелы критики терроризма направлены против ислама, учитывая рост влияния этой религии на мировые процессы и многочисленные мусульманские фундаменталистские организации подобные, «Талибан», ИГИЛ, «Бока харам» и т.д. Как пишет М. Кудейми: «связывать терроризм с природой и догмой ислама и при этом игнорировать аналогичный период в истории развития христианства является грубой ошибкой» [5].

Христианство, возникшее в жестоких условиях Римской империи с ее многочисленными войнами, до 4-го века резко отрицательно относилось к войне. Ситуация изменилась после придания этой религии государственного статуса. Первым мыслителем, признавшим возможность войн, стал Блаженный Августин, допускающий в рамках христианского вероучения оборонительные и даже агрессивные войны, коль скоро последние способствуют утверждению справедливости.

В статье «Проблемы войны и мира в трактовке христианских церквей» Г. Круглова пишет, что проблема войны и мира всегда входила в социальное учение всех христианских конфессий, особенно католической. И если на первых порах XX-го века католическая церковь исходила из позиций пацифизма, то в дальнейшем она включилась в мировое противостояние двух политических систем, принимая справедливость борьбы против «безбожной» системы коммунизма. «В 60–70 годы XX в. происходит формирование «нового курса» Ватикана в трактовке проблем войны и мира, который наиболее четко очертил размежевание на «обновленцев» и «традиционалистов» внутри католицизма. Эта борьба пронизывает все дискуссии II Ватиканского собора, в результате которых был все-таки найден компромиссный вариант, получивший выражение в виде «Схемы 13», а затем в пастырской Конституции «О церкви в современном мире» [4, с. 9], в которой были сформулированы основы «теологии мира».

Между тем, ситуация в мире в самом начале XXI-го века стала резко ухудшаться в сторону международной напряженности. Десятилетие монополюющей гегемонии в мировой политике США привело к практике постоянного нарушения международного права, вмешательства во внутреннюю политику стран, не способных защитить свой суверенитет. В первую очередь это коснулось мусульманских стран, в которых в ответ стали складываться фундаменталистские, а затем и террористические структуры.

Как пишет французский исследователь К. Паяр: «Право – это крайнее средство, уловка, продиктованная слабостью: слабость единственная считается с силой во всех ее многообразных проявлениях, начиная с военной силы – составной части политической реальности в своей основе. Война была фундаментальной нормой и предельным горизонтом межгосударственных и даже межчеловеческих отношений» [11, с. 16]. Данный автор справедливо полагает, что в основе такого нарушения права и возникновения на него реакции – терроризма

лежит «неравность сил», из-за которой возникают, как стремление вмешиваться в дела других стран, так и слепая ненависть терроризма, сметающая на своем пути даже ни в чем не виновных мирных граждан. Точнее, не имея возможности противостоять губительным процессам разрушения собственных ценностей, деятели терроризма направляют свои удары так, чтобы посеять хаос и панику среди мирного населения, которое якобы сможет повлиять на агрессивную политику своих властей.

Надо отметить, что такой позиции придерживаются не только европейские исследователи и философы, понимание пагубности разрушения международного политического и гуманитарного права начинают осознавать по всему миру. При этом подвергается критике и глобализация, как фактор бездумной универсализации уникальных культур. И все же, как представляется, проблема заключается не в самой глобализации, а в том, как используются ее процессы, какие интересы направляют ее в ту или иную сторону. Причем, это эгоистическое использование процессов глобализации в пользу исключительно собственных интересов, в конце концов, оборачивается существенными издержками и для инициаторов такой политики.

Совсем другой пример демонстрирует «старый мир» Запада, где набирает обороты интеграция Европы, пережившей две мировые войны. Может быть и поэтому: «Историки могут также констатировать исчезновение воинственной риторики из европейского политического дискурса на протяжении всего XX века. Таким образом, Европа создает проект для всего человечества: нужно действовать так, как будто бы несуществующая вещь в себе существовала. Каким бы нереальным не был мир – себе, он может приблизить нашу свободу. Воинственный удел человечества не фатален» [11, с. 18].

Человечество все еще живет в условиях культуры войны, меняющей формы и мотивы своего порождения. Поэтому осмысление культуры войны должно быть соотнесено с осмыслением культуры мира на уровне сопоставительного исторического исследования, позволяющего реконструировать генезис и развитие этих типов культуры.

Хотя невозможно создать единую для всех народов социокультурную модель развития, следует стремиться к установлению перманентного диалога между представителями этих моделей.

Процесс усреднения, универсализации и унификации экономических, политических и социокультурных особенностей различных народов и государств должен быть взят под контроль, поскольку именно он несет в себе наибольшее число негативных последствий. Должны отбираться наиболее успешные, доказавшие на практике свою состоятельность социокультурные и политические модели развития, для того, чтобы большинство человечества было согласно их принять.

Список использованных источников

1. Гегель Г. Философия права. – М., 1990.
2. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. с нем. – М.: Наука, 1977.
3. Кант И. К вечному миру. Сочинения: в 6 т. – М., 1966.
4. Круглова Г. Проблемы войны и мира в трактовке христианских церквей. – [Ahttp://elib.bsu.by/bitstream/123456789/94746/](http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/94746/).

5. Кудейми М. Концепция войны в исламе: Дис. ... канд. политол. наук: 23.00.04. – Москва, 1994. – 149 с. – <http://www.dslib.net/glob-razvitiye/koncepcija-voyny-v-islame.html>
6. Культура войны и мира. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Ларкин Л. Г. Социокультурные параметры взаимодействия войны и культуры. – ЛГПИУ. – <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-parametry-vzaimodeystviya-voyny-i-kulturny>
8. Международный форум «За культуру мира и диалог цивилизаций, против культуры войны и насилия. Кишинев, Республика Молдова 15–19 мая 1998 года. – <http://grani.agni-age.net/articles/unesco.htm>
9. Муткогло И. Джихад большой и малый. – <http://www.islam.ru/content/obshestvo/41418>
10. От культуры войны к культуре мира: концептуальная парадигма перехода («постановка проблемы»). – <http://userdocs.ru/geografiya/6349/index.html?page=18>
11. Паяр Кристоф. Возможен ли вечный мир? // Логос. – М., 2003. – №1. – С.10–18.
12. Резник С. В. Идеологемы и концепты войны и мира в исламе. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук; Спец: Религиоведение, философская антропология, философия культуры. – Белгород, 2004. – 24 с.
13. Семашко Л. М. Культура мира. – <http://russika.ru/t.php?t=1785>
14. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: Экономика, 2003. – 441 с.

References

1. Gegel G. Filosofija prava. – М., 1990.
2. Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. Per. s nem. – М.: Nauka, 1977.
3. Kant I. K vechnomu miru. Sochinenija: v 6 t. – М., 1966.
4. Kruglova G. Problemy vojny i mira v traktovke hristianskih cerkvej. – [Ahttp://elb.bsu.by/bitstream/123456789/94746/.](http://elb.bsu.by/bitstream/123456789/94746/)
5. Kudejmi M. Konceptija vojny v islame: Dis. ... kand. politol. nauk: 23.00.04. – Moskva, 1994. – 149 s. – <http://www.dslib.net/glob-razvitiye/koncepcija-voyny-v-islame.html>
6. Kul tura vojny i mira. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Larkin L. G. Sociokulturnye parametry vzaimodeystviya vojny i kul tury. – LGPIU. – <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-parametry-vzaimodeystviya-voyny-i-kulturny>
8. Mezhdunarodnyj forum «За kul turu mira i dialog civilizacij, protiv kul tury vojny i nasilija. Kishinev, Respublika Moldova 15–19 maja 1998 goda. – <http://grani.agni-age.net/articles/unesco.htm>
9. Mutkoglo I. Dzhihad bol shoj i malyj. – <http://www.islam.ru/content/obshestvo/41418>
10. Ot kul tury vojny k kul ture mira: konceptualnaja paradigma perehoda («postanovka problemy»). – <http://userdocs.ru/geografiya/6349/index.html?page=18>
11. Pajar Kristof. Vozmozhen li vechnyj mir? // Logos. – М., 2003. – №1. – С.10–18.
12. Reznik S. V. Ideologemy i koncepty vojny i mira v islame. Avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk; Spec: Religiovedenie, filosofskaja antropologija, filosofija kul tury. – Belgorod, 2004. – 24 s.
13. Semashko L. M. Kul tura mira. – <http://russika.ru/t.php?t=1785>
14. Jakovec Ju. V. Globalizacija i vzaimodejstvie civilizacij. – М.: Jekonomika, 2003. – 441 s.

Farzalyev Z. I., Head of the Department for Public Relations and Popularization of Science, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku), matlabm@yandex.ru

Philosophy of cultures of war and peace

In the article is carried out the comparative philosophical analysis of culture of war and the culture of the peace. It is noted that the culture of war and the culture of peace give rise to two types of communication: monologue and dialogue. Since, the culture of war should be considered a type of communication that pursues the implementation of exclusively their own interests, while resorting to any, including violent methods. It is also emphasized that, in contrast to the culture of war, the culture of peace tries to identify and take into account the interests of all parties through dialogue, avoiding methods of violence. The author comes to this conclusion, the culture of war can be considered a monistic type of communication, and the culture of the world – pluralistic.

Keywords: culture of war, culture of peace, monologue, dialogue, religion, ethno-confessional relationship.

Farzalyev Z. I., начальник управления по зв'язках з громадськістю та популяризації науки, Національна Академія Наук Азербайджану (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.ru

Філософія культури війни і миру

Здійснено порівняльний філософський аналіз культури війни і культури миру. Відзначається, що культура війни і культура миру породжують два типи комунікації: монолог і діалог. Так як, культуру війни слід розглядати таким типом комунікації, яка переслідує реалізацію виключно власних інтересів, вдаючись при цьому до будь-яких, в тому числі насильницьких методів. Так само, підкреслюється, що в протилежність культурі війни, культура миру намагається за допомогою діалогу виявити і врахувати інтереси всіх сторін, уникаючи методів насильства. Автор приходить до такого висновку, культуру війни можна вважати моністичним типом комунікації, а культуру миру – плуралістичним.

Ключові слова: культура війни, культура миру, монолог, діалог, релігія, етно-конфесійні відносини.

* * *

УДК 17.022.1–053.81(477)

Гавеля О. Р.,
аспірантка кафедри філософії,
Національний університет біоресурсів і
природокористування України
(Україна, Київ), A.gavelia@ukr.net

Сенс і цінності життя сучасної молоді України
(релігієзнавче дослідження)

Мета роботи – визначення феномену сенсу життя і основних засад формування свідомості студентської молоді України в контексті аксіології християнства. Методологія дослідження полягає в застосуванні порівняльно-історичного підходу – у роботі над науковими працями вітчизняних і зарубіжних вчених, присвячених сенсу життя і визначенню основних засад формування життєвих цінностей; соціологічного методу – у вивченні сенсу і цінностей життя сучасної молоді України в аспекті релігієзнавства. Наукова новизна роботи. Вперше розроблено класифікацію сенсу життя, що дозволило дослідити його в релігієзнавчому контексті. На основі проведення соціологічного дослідження виявлено, що для першої групи респондентів (молодь, яка постійно відвідує церкву) найбільш пріоритетним є сенс життя, що має вітальний, гедоністичний, практичний, духовно розвиваючий та релігійний характер; для другої групи (молодь, яка дуже рідко ходить до храму), відповідно, що містить у собі вітальний, гедоністичний, гностичний та духовно розвиваючий характер; для третьої групи (молодь, яка взагалі не відвідує храм), відповідно, що містить у собі гедоністичний, гностичний, практичний та духовно розвиваючий характер. Серед респондентів третьої груп взагалі відсутні ті, хто б визначив сенс життя, що має релігійний характер. Висновки: Доведено, що в сучасних умовах оновлення суспільства уявлення про сенс життя, що має релігійний характер посідає важливе місце в системі цінностей сучасної молоді, яка постійно відвідує церкву. Виявлено позитивне ставлення більшості респондентів до волонтерської діяльності, незалежно від того, чи вважають вони себе віруючими чи ні. Участь в ній є найкращим доказом, що сучасна молодь здатна позбавлятися власного egoїзму і здійснювати безкорисливу допомогу нужденним, підтримувати малозабезпечених, безробітних, багатодітних, безпритульних, займатися захистом природи і тварин, опікуватися над сиротами, хворими, інвалідами, самотніми, людьми похилого віку тощо. Доведено, що на шляху духовного вдосконалення сучасна молодь України здатна проявляти альтруїзм по відношенню до інших людей, здійснювати безкорисливу допомогу нужденним.

Ключові слова: свідомість, християнська аксіологія, сенс життя, цінності життя, волонтерська діяльність, емпіричне дослідження, система цінностей, християнська молодь, сучасна молодь, світогляд.

Актуальність дослідження світогляду сучасної молоді України з погляду християнської аксіології обумовлено необхідністю осмислення місця і ролі людини в системі загальних, світових зв'язків, у співвіднесенні з її сенсом життя. Означений термін фіксує фундаментальні основи людського існування загалом, а також пов'язаний з життєвими цінностями окремої особистості.

Проблему людського світогляду як форми вираження сенсу життя досліджено у працях вітчизняних і